

Глава 1

— Нужно что-то менять в жизни, — бормотала себе под нос Ким. — Научиться летать, к примеру.

Такие мысли настигли ее, вероятно, от света полной июльской луны, проникавшего в разбитую створку окна, или от пряного запаха свежей травы? Ким переполняло странное чувство. Может быть, потому, что она влюбилась? Нет! Она не влюбилась. Это абсолютно точно. Она полагала, что этот черный кабан... Ну, просто считала его интересным, ведь он не такой, как все. Что бы он подумал, если бы она вдохновенно рассказала ему о полетах? Как здорово было бы взмыть к облакам или погнаться за нагло каркающими воронами!

— Как это — «научиться летать»? — пискнула маленькая Сесиль. — Как ты додумалась до того, что хочешь летать? — Она была младшей из них, особенно любопытной и всегда усложняла жизнь окружающих своими вопросами.

— Мы не можем летать, — как всегда угрюмо буркнул Че. — Отношения не позволяют. Сначала нам нужно поменять отношения. Всю эту нищету, эксплуатацию

в корыстных целях... Приличный харч для всех — вот с чего нужно начать!

— Вы можете заткнуться, в конце концов? — проворчал Брунст. Он лежал с закрытыми глазами, дожевывая увядший кочан капусты, который притащил с собой. — Я хочу спать. У меня от ваших бесконечных разговоров голова идет кругом. — Он громко рыгнул и перевалился на другой бок.

Ким лежала в стороне от остальных. Это было ее второе лето, нет, собственно, третье, но о первом лучше вообще не вспоминать. Луна переползла по небу чуть выше, и в пятне тусклого света оказалась сначала кучка соломы, а потом — Доктор Пик. Он был самым старшим из них. Нет, не предводитель или вождь. Но когда он что-нибудь говорил, с этим считались. Че как-то сказал, что Доктору Пику, наверное, лет сто; он уже, в некоторой степени, ископаемое. Обычно Че преувеличивал, но то, что Доктор Пик оказался здесь первым, было правдой. Поэтому его уже ничто не могло взволновать. Чаще всего он спал на лугу под одной из пяти яблонь. Однажды Ким застала его за необычным занятием: он считал облака или, по крайней мере, смотрел на них.

— Так что там с полетами? — допытывалась Сесиль, повернув свой розовый пяточок в сторону Ким. — Думаешь, можно этому как-то научиться? Расскажи мне об этом.

— Думаю, что нельзя, — ответила Ким. — Так, просто мысли вслух.

Она закрыла глаза, но уснуть не могла: черный кабан не шел из головы. Такой большой и одинокий, он все стоял перед глазами и смотрел на нее. Нюхал влажную листву и затхлую воду в луже.

От мечтаний ее отвлек взволнованный голос из дальней части дома, оттуда, где жили Роберт Мунк и Дёрте.

Иногда кто-нибудь из этих двоих спускался сюда по ночам, читал что-нибудь, или просто курил, или молча стоял рядом. Ким всегда делала вид, будто спит. Мунк обычно садился на деревянный заборчик и доставал сигару — большую уродливую штуку. Вонь висела в воздухе до следующего утра, но Ким в какой-то мере это нравилось. Она не знала ничего, что пахло бы так резко и пряно, как эта сигара.

Дверь со скрипом распахнулась. Так решительно к ним не заходили ни Мунк, ни Дёрте. Ким поднялась и посмотрела в сторону двери: в луче лунного света, как в дверном проеме, покачиваясь, стоял Мунк. Он неуверенно сделал несколько шагов, что-то бормоча себе под нос, но Ким не могла разобрать слов.

— Нет, никогда, — сказал он что-то вроде того. Мунк не зажег маленькую лампу, висевшую у входа. Когда хужожник дошел до деревянного заборчика, Ким почувствовала, что от него пахло не так, как обычно: не крепким табаком или свежими красками. Рука, которую Мунк положил на заборчик, была в крови!

Вдруг он так посмотрел в глаза Ким, словно только сейчас осознал, что та его понимает. Его щеки, заросшие короткой седой щетиной, напряглись от большого волнения, а узкий рот приоткрылся. Ким навострила уши и прищурилась. Щетина у нее на спине встопорщилась — так напряженно Ким прислушивалась. «Что же там говорит Мунк, отчего у него рука в крови?» Но она не отваживалась подойти ближе, сделать хотя бы шаг в его сторону. Словно пятно лунного света, в котором она стояла, обеспечивало ей безопасность.

— Кле-е-е, — сорвалось слово с бледных губ Мунка.

Что? Клевер? Да, это слово она знала. Ничего она так не любила, как сочный зеленый клевер; он, к сожалению,

нию, больше не рос на их лугу: Брунст положил этому конец.

Потом Мунк словно поперхнулся — и кровь потекла по его губам. Неловким движением он открыл загородку и ввалился в загон. Он пошевелился. Его рот вновь раскрылся — кровь вытекала наружу, окрашивая его зубы в красный цвет. Мунк упал на колени и мешком повалился посреди загона.

Все произошло так быстро, что Ким лишь громко хрюкнула от удивления.

«Почему Мунк так поступил? Он никогда ночью не заходил к ним в загон, тем более не падал на колени».

Ким быстро отступила. В панике она конвульсивно дернула головой: «Был ли там еще кто-нибудь снаружи? И где же Дёрте?» В дверях возникла тень, но тут же исчезла, прежде чем Ким успела что-либо разглядеть.

Мунк, художник, лежал там, в круге лунного света. Его голова запрокинулась, словно он хотел взглянуть на Ким. Из его рта не вылетали слова, больше ни единого звука не сорвалось с губ! Его щеки, заросшие седой щетиной, казались впалыми. Мунк всегда был довольно худым, но теперь у него был вид смертельно больного человека.

И тогда Ким обнаружила, что из спины Мунка торчит громадная черная рукоятка ножа. Сердце Ким застучало так громко, что почти оглушило ее.

— Все, врезал дуба, — хрюкнул Че, внезапно появившись возле нее. — Убит! Наш дорогой хозяин и мэтр убит. — Он часто с ненавистью называл так Мунка.

Ким задрожала всем телом.

— Я уж знаю, кто это был, — невозмутимо продолжил Че и обнюхал нож, который торчал из спины Мунка. — Только Душегуб на такое способен — деревенский мясник.

Глава 2

Она легла перед Мунком, чтобы охранять его. Любопытство остальных в загоне быстро улеглось. Каждый прошелся мимо тела, бросил взгляд на Мунка, что-то беспомощно хрюкнув себе под нос. Лишь Доктор Пик ничего не сказал. Ужас не покидал Ким, и она понимала, что не может вести себя так, будто ничего не произошло.

Люди ни с того ни с сего не умирают с торчащим из спины ножом, а тем более такие, как Мунк. Даже если Че говорил обратное, Ким знала точно, что Мунк был ее спасителем. Если бы не он и Дёрте, все они давно очутились бы в том темном месте, где заканчивают свой путь большинство их собратьев по виду, — на скотобойне.

При этой мысли она вздрогнула и еще ближе подползла к мертвому Мунку. В лунном свете она видела, как тот менялся. На его лице проступали иные краски. Запах крови ударил ей в нос — Ким затошнило. Тогда она решила сконцентрироваться на ноже, торчавшем прямо из грубой серой фланелевой рубашки, которая безобразно окрасилась кровью. На рукоятке она учуя-